На вопросы редакции журнала «ЗАКОН» отвечает адвокат **Андрей Андреевич ГРИВЦОВ**

СТАЛИ БОЛЬШЕ ВОЗБУЖДАТЬ ДЕЛ ОБ ОСОБО ТЯЖКИХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И СТАЛО МЕНЬШЕ «НЕПРИКАСАЕМЫХ»

Родился 26 августа 1981 года в городе Орле.
В 2002 году окончил юридический факультет Московской гуманитарно-социальной академии.
В 2001–2010 годах работал в органах прокуратуры и Следственного комитета РФ. Начал карьеру в качестве следователя, позднее работал следователем по особо важным делам Главного следственного управления СК РФ. Одним из первых начал успешно расследовать уголовные дела о рейдерских захватах.
С 2015 года — член Адвокатской палаты города Москвы.
С 2015 года по наст. вр. — партнер, позднее старший партнер адвокатского бюро *ZKS*.
С 2015 года — эксперт при аппарате Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей.
С 2016 года — член Комитета Торгово-промышленной палаты РФ по безопасности предпринимательской деятельности.
С 2019 года — председатель комиссии по защите прав участников уголовного судопроизводства Ассоциации юристов России.
С 2019 года — преподаватель кафедры практической юриспруденции Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
С 2017 года индивидуально рекомендован рейтингом Право.ru-300 по уголовному праву (Группа 1).
С 2019 года рекомендован международными рейтингами *The Legal* 500 и *Best Lawyers* в сфере уголовного права.
В 2021 году рекомендован международным рейтингом *Best Lawyers* как «Юрист года» в сфере уголовного права.

Loaded: 20-05-2024 PMt 15:36:10

— Почему Вы стали специализироваться именно на должностных преступлениях в рамках адвокатской практики?

— Я долгое время работал следователем, в том числе следователем прокуратуры, и расследовал как раз должностные преступления (дела о взятках, халатности, превышении полномочий и злоупотреблении ими) и преступления в сфере экономики. Так стала формироваться моя профессиональная специализация, в рамках которой я продолжаю работу уже в качестве адвоката.

— Если сравнивать начало 2000-х и 2022 год — что изменилось в уголовном преследовании за должностные преступления?

— Прежде всего поменялись стандарты доказывания. Раньше они были весьма высокими. Сейчас мы наблюдаем рост использования технических средств доказывания. Например, в начале 2000-х не было возможности запросить видео с любой видеокамеры Москвы или данные о местонахождении телефона. В то время доказывание осуществлялось с использованием диктофона, который давали взяткодателю для записи разговора. Сейчас технические средства доказывания распространены повсеместно, поэтому выявление преступлений при даче и получении взяток очень упростилось. Иногда даже удивляешься, когда люди дают взятки путем перечисления денег с использованием банковских переводов.

Техники стало больше, а квалификация следователя, на мой взгляд, стала ниже, качество следствия падает. Плюс в условиях сложившегося тренда на усиление борьбы с коррупцией часто представители обвинения стали забывать о праве. Я не говорю сейчас даже о практике, для которой характерно ужесточение наказаний за эти преступления (хотя санкции не сильно поменялись), — дело в том, что разъяснения Верховного Суда по делам о коррупционных преступлениях стали более жесткими, и я далеко не со всеми его позициями согласен.

— В настоящее время борьба с коррупцией, кажется, усиливается? Принимаются новые законы, направленные на контроль за доходами чиновников.

— Сейчас сложно сказать, в какую сторону будет развиваться ситуация. Сам закон о контроле за расходами чиновников не вызывает у меня желания с ним спорить, а вот опыт применения этого закона все более удручает. Я практикую 20 лет, и за это время ничего хорошего с точки зрения улучшения ситуации в уголовном судопроизводстве не видел. Хотя было много попыток законодателя изменить ситуацию к лучшему, но практика все эти попытки сводила к нулю. Вспомним 2002 год, когда была введена норма о том, что избрание меры пресечения относится к компетенции судов — идея сама по себе была хорошая, а в итоге оказались недовольны все участники судопроизводства, не только судьи, которые получили дополнительную нагрузку, но и адвокаты и прокуроры, так как процедура получила исключительно формальный характер. При рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения суды по существу доказательства не оценивают и занимают в большинстве случаев позицию соглашательства со следствием. Похожая ситуация сложилась при разделении следствия и надзора, когда из прокуратуры вывели Следственный комитет. Идея была создать систему сдержек и противовесов, а получили во многом бесконтрольное следствие и ослабевшего прокурора, который теперь на все жалобы в ходе следствия отвечает, что у него нет полномочий и оценку всему он даст, когда уголовное дело поступит к нему для утверждения обвинительного заключения. Пожалуй, что точно работает, так это прямые запреты. Например, установили законом прямой однозначный запрет на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу по налоговым преступлениям, и его не обходят. А если запрет может быть истолкован в ту или иную сторону обвинителем, то толкование будет всегда не в пользу облегчения участи потенциального подозреваемого или обвиняемого. Поэтому в целом, думаю, ситуация в этом отношении вряд ли улучшится и борьба с коррупцией в том виде, в котором она ведется, будет продолжаться. К сожалению, власть традиционно видит основным способом регулирования и борьбы с должностными преступлениями уголовное преследование, что, на мой взгляд, не совсем правильно.

— С одной стороны, мы видим ужесточение применяемых мер ответственности, а с другой — нормы УК содержат не совсем понятные критерии признания деяния преступным, например в отношении существенности и тяжести причиненного вреда. Что Вы об этом думаете?

— В отношении этих критериев в Постановлении Пленума Верховного Суда от 16 октября 2009 года

Loaded: 20-05-2024 PMt 15:36:10

№ 19 определенные разъяснения есть, хотя они несколько размыты, например относительно понятия «тяжкие последствия». Бывают на практике случаи, когда последствия в виде существенного нарушения охраняемых законом интересов общества и государства трактуются весьма широко. У меня было дело, где в качестве последствий назвали абстрактную дискредитацию органа местного самоуправления в глазах общества при отсутствии реальных материальных последствий. Сторона обвинения указала, что орган местного самоуправления дискредитирован. Получается, что один человек — автор обвинительного заключения делает вывод о факте дискредитации органа власти. Поскольку обвинялось выборное лицо этого органа власти, я обратил внимание на необходимость выяснить, как граждане оценивают соответствующее событие, насколько они считают его дискредитирующим. Выяснилось, что деяние, в котором обвинялся человек, совершалось публично, и уже после совершения местное население большинством голосов проголосовало за этого человека, избрав его в орган местного самоуправления, т.е. о дискредитации органа власти действиями данного выборного лица не могло идти и речи. Бывает, что Верховный Суд с помощью отдельных решений может поправить эту ситуацию, но, к сожалению, такое время от времени случается. Я как практик далеко не всегда могу понять, когда Верховный Суд обращает внимание на такие факты, а когда нет. Конечно, хотелось бы, чтобы разъяснения Пленума Верховного Суда были более конкретными. Кстати, если говорить о правоприменительной практике по ст. 201 УК РФ, то часто вменялась часть 2 — причинение тяжких последствий по критерию крупности причиненного материального ущерба. Но сейчас, мне кажется, ситуация должна улучшиться в связи с выходом нового Постановления Пленума Верховного Суда от 29 июня 2021 года № 21. Раньше, как правило, писали так: причинен ущерб коммерческой организации на столько-то миллионов рублей — и это оценивалось как тяжкие последствия. Теперь в Постановлении Пленума разъяснено, что ущерб должен быть таким, чтобы довести организацию до банкротства и полной финансовой несостоятельности. У нас сейчас в производстве есть подобное дело, и я надеюсь, что с этими разъяснениями нам удастся убедить если не следствие, то суд в отсутствии тяжких последствий.

— Может быть, надо в закон тогда вводить более конкретные понятия? Прописывать механизмы оценки ущерба?

— На мой взгляд, УК надо заморозить и лучше туда ничего не вносить, потому что принимаемые сейчас веерные изменения в уголовном законодательстве не приносят позитивного результата. Например, вывели в специальный состав деяния, связанные с государственным оборонным заказом, а в чем именно особая специфика таких преступлений в этой сфере, которая вызвала необходимость введения отдельной нормы, непонятно. Постоянно придумывают всё новые составы без каких-либо обоснований необходимости их введения с криминологической точки зрения. Мне кажется, любому новому закону, новой норме в УК должно предшествовать серьезное криминологическое исследование о том, что деяние носит повышенную общественную опасность и случаев таких деяний очень много. Необходимо проанализировать какой-то срез практики, что деяния надо вводить в УК, выделять в отдельную норму. А законодатели, по-моему, идут на поводу у какой-то модной тенденции, новой сиюминутной ситуации. И сейчас мы видим появление большого количества новых составов. Надо бы проанализировать, сколько в УК существует абсолютно мертвых норм. Проблема в том, что закон придумывают непрофессионалы, а думать о том, как это все применять, приходится профессионалам.

— С точки зрения количества должностных преступлений — их стало больше или их стали больше выявлять?

— Сейчас не приведу общую статистику, но по личному опыту знаю, что следователи стали больше возбуждать дел об особо тяжких коррупционных преступлениях и стало меньше «неприкасаемых». Если раньше дела в отношении министров, заместителей министров были достаточно редки, то сейчас такие дела возбуждают регулярно. По моему мнению, это результат того самого тренда по борьбе с коррупцией. Практически уверен: сейчас намного больше дел по взяткам в особо крупных размерах, связанных с вымогательством. Раньше эти дела были подсудны суду присяжных. Потом примерно в 2010 году они были выведены из-под его подсудности, стандарты доказывания по ним,

Loaded: 20-05-2024 PMt 15:36:10

к сожалению, снизились, отчего и таких дел стало намного больше.

— Почему рассмотрение этих дел судом присяжных было бы предпочтительней?

— Суд присяжных хорош не только с позиции защитника в связи с тем, что он чаще оправдывает подсудимого. Но и стандарты доказывания по делам, которые рассматривает суд присяжных, всегда выше. Когда следователь, прокурор понимают, что дело подсудно суду присяжных, они прикладывают больше усилий для сбора доказательств. Поэтому раньше если дело о взятке в особо крупном размере было слабым с точки зрения доказательств, то его, как правило, переквалифицировали на менее тяжкий состав — мошенничество или злоупотребление должностными полномочиями, чтобы не выносить на суд присяжных и не допустить оправдательного приговора. То есть суд присяжных хорош еще и тем, что его наличие — своеобразный фильтр плохо расследованных дел со слабой доказательственной базой.

— Почему вывели эти составы из подсудности суда присяжных? Пожалуй, и правильно сделали — ведь у нас чиновников не любят? Может быть, у присяжных было бы предубеждение?

— Да, действительно, чиновников не любят, но присяжные — это судьи факта. Они понятие презумпции невиновности, которое им разъясняется в начале процесса, усваивают очень хорошо и понимают его не так, как большинство профессиональных судей, исходящих чаще всего из презумпции виновности человека. При существующей практике человеку надо не только не быть уличенным в чем-то, но и опровергнуть любые доказательства, выдвинуть собственные доказательства, которые однозначно указывают на невиновность. Присяжные же понимают презумпцию невиновности именно так, как и надо ее понимать: нет доказательств — оправдательный приговор. На мой взгляд, вывели из-под суда присяжных данные составы из-за того, что были недовольны большим количеством оправданий чиновников. Эти дела, к сожалению, наиболее часто используются для расправы над неугодными. А присяжные могли быть этому препятствием. Большинство критиков суда присяжных работают как раз в правоохранительной, судебной системе, но, если у них самих начинаются какие-то проблемы уголовно-правового характера, они очень надеются на суд присяжных.

— Может, стоит тогда расширить подсудность суда присяжных?

— Суд присяжных — это дорогая процедура. Сейчас, если говорить о необходимости расширения подсудности дел суду присяжных, поскольку это шанс на справедливое объективное разбирательство с повышенными стандартами доказывания, стоило бы для начала вернуть то, что было: дела о преступных сообществах, взятках в особо крупных размерах, взятках, сопряженных с вымогательством. Провести анализ, как это будет работать на практике. А дальше расширять подсудность за счет других дел, которые отличаются пониженными стандартами доказывания, например мошенничество в особо крупных размерах. Сейчас, конечно, такое резкое расширение подсудности парализует суд, прежде всего по организационным причинам.

— Нужно больше судей?

— Несмотря на всю критику, у нас есть хорошие судьи и следователи, и работа у них очень тяжелая. Нужно это признать. Однозначно нужно больше судей, и условия их работы надо улучшать. Если прийти в любой районный суд, то можно увидеть, что судьи работают, как у станка. Им и подумать лишний раз некогда.

— Насколько хорошо работает следствие? Достаточно ли хорошо подготовлены дела, когда поступают в суд?

— К сожалению, надо отметить снижение качества подготовки дел. Причин этому несколько. Например, постоянно молодеет следственный аппарат, вымывается среднее звено, которое должно учить и наставлять молодых. Наставничество проявляется больше в форме конкурсов самодеятельности, чем в профессиональной сфере. Настоящий следователь — человек свободолюбивый, который будет отстаивать свою точку зрения, он находится в постоянном поиске, спорах. Сейчас таких мало. Кроме того, резко выросло применение технических

Loaded: 20-05-2024 PMt 15:36:10

способов доказывания. Насильственные преступления стало гораздо проще раскрывать: все под камерами, можно взять данные биллинга сотовых телефонов, использовать информацию из переписки и т.п. То есть, с одной стороны, стало проще, а с другой — из-за этого стало меньше аналитической работы, меньше требований к следователю. Да и признание до сих пор является основным доказательством. Существует принцип: если обвиняемый признался, то шансы на оправдание практически сводятся к нулю.

— А последующий отказ от признания не работает?

— Не работает. Если человек хоть раз в процессе следствия признался, то даже при последующем его отказе от своих слов в приговоре всегда пишется, что доказательством является письменное признание, которое согласуется со всеми иными доказательствами, а все остальные непризнательные показания носят непоследовательный характер. Суд говорит: раз признался с адвокатом, права были разъяснены, подпись присутствует, было разъяснено, что это доказательство используют в суде, — обратной дороги нет. Так же и с показаниями свидетелей, зафиксированными в письменной форме в деле, — даже если в ходе процесса их показания отличаются. Судопроизводство все больше приобретает письменный характер. В большинстве случаев красивые устные выступления адвоката нужны скорее для самого адвоката, подзащитного, публики в зале, а на убеждение судьи они воздействует все меньше. Если меня спросить, что лучше: написать хороший глубокий текст и зачитать его по бумаге или выступить без подготовки, красиво, под влиянием вдохновения, — то лучше первое с приобщением текста выступления к делу. Уголовный процесс идет в сторону письменности, что ни хорошо, ни плохо. Это нужно учитывать. Добиваться успеха без глубокой подготовки к процессу, аналитической работы, проработки материалов дела сейчас невозможно. Заявление суду ходатайств, возражений в письменной форме, безусловно, облегчает жизнь судье и секретарю судебного заседания, что влияет на отношение этих людей к адвокату. Когда ты относишься к людям, с которыми взаимодействуешь, с уважением, это, конечно же, влияет и на их уважение к тебе.

— Какая основная специфика в защите по делам о должностных преступлениях?

— К большинству дел, не только о должностных преступлениях, в которых я участвую, приковано определенное внимание. И в основном это связано как раз не с личностью адвоката, а с обстоятельствами дел, людьми, которых привлекают к ответственности, обсуждением этих дел в средствах массовой информации. Получается так: когда ты работаешь по таким делам, ты не имеешь права быть не готовым к процессу, схалтурить, отсидеться у кого-то за спинами. Конечно, я живой человек и мне, как и любому человеку, бывает неприятно, когда меня начинают критиковать, по моему мнению, необоснованно. Особенно когда коллеги адвокаты обсуждают мою стратегию защиты, не владея ситуацией по делу, не зная позицию моего доверителя. Кроме того, как правило, чем громче дело, тем стандарты доказывания, к сожалению, ниже. В рамках судебного следствия процедура будет идеальная, будут соблюдаться все права участников. А вот стандарты доказывания ниже. Раньше основная задача адвоката в большей степени состояла в выявлении процессуальных нарушений при получении доказательств. Сейчас стандарты снижаются, и часто встает вопрос даже не о допустимости доказательств, а об их полном физическом отсутствии или неотносимости к предмету доказывания. Бывают дела, где взятки доказываются показаниями свидетеля, который заявляет, что дал взятку. Формальное количество доказательств может быть при этом широким. Например, взяткодатель кому-то рассказал или якобы рассказал о взятке — и вот уже на стороне обвинения выступает не один, а несколько свидетелей. Таким образом, мы получаем больший объем доказательств, но по существу возможный факт по-прежнему подтверждается показаниями одного-единственного очевидца. Или используются данные биллинга о том, что конкретные люди были в одном и том же месте. И если обвиняемый не отрицает факт встречи или передачи каких-то вещей, но отрицает содержание встречи или получение денег, то надо доказывать содержание разговора или действий участников. Но обычно такие доказательства следствие не предоставляет. В итоге получается, что количество доказательств искусственно увеличивается, а по факту их качество низкое и не соответствует реальным стандартам доказывания. И это проблема именно громких дел.

Loaded: 20-05-2024 PMt 15:36:10

— Почему именно громких дел, ведь к ним вроде больше внимания?

— Если принято решение о задержании чиновника высокого уровня, это значит, что вопрос согласован и обвинительное заключение утверждает прокурор высокого уровня. Следовательно, прокурор с этим согласен и может обжаловать приговор, если он будет недостаточно строгий или оправдательный. То есть отказаться от обвинения нижестоящему прокурору, который поддерживает обвинение, уже будет нелегко. К тому же есть понятие уголовно-правовой моды. Эти модные вещи формируются как раз на больших громких делах. Скажем, прошло в суде с обвинительным приговором какое-то большое дело, расследованное следственной группой из числа следователей разных регионов. Эти следователи потом распространяют полученный опыт, а зачастую и сниженные стандарты доказывания у себя на местах. И соответственно, в похожих делах применяются схожие сроки назначения наказаний и способы доказывания. Например, если в начале 2000-х за взятку в особо крупном размере 8 лет лишения свободы считалось строгим наказанием, то сейчас оно рассматривается как мягкое. Теперь за такие преступления дают 12–13 лет. Если раньше за мошенничество в особо крупном размере давали 3–4 года и осужденные думали, что это строгое наказание, а условный срок был нормальным явлением, то сейчас можно и до 9 лет лишения свободы получить. На мой взгляд, так и складывается негласная мода, когда в начале назначают определенное наказание по какому-то громкому делу, а потом по этому лекалу начинают отмерять сроки по другим делам.

— Странно, что наказания становятся более жесткими по должностным преступлениям, ведь последнее время чаще говорят о гуманизации общественных отношений и смягчении наказаний в целом?

— Это скорее не вопрос к принимаемым конкретными судьями решениям, а общая государственная политика. По моему мнению, суд у нас не карательный, не жесткий, он больше согласительный. Представитель обвинения просит определенный срок, и суд соглашается. Как правило, дают чуть поменьше, чем просит обвинение, например просят 13 лет лишения свободы — дают 12 лет.

— А как быть с порогами размеров сумм, влияющих на признание деяния в качестве преступления той или иной тяжести?

— Это действительно проблема. У нас суммы пороговых размеров для многих преступлений не менялись с 2000-х годов. Например, по взятке в особо крупном размере порог в 1 миллион рублей не менялся с 2003 года. Конечно, пороговые размеры должны быть увеличены в разы, поскольку посягательство на то, что стоило миллион рублей двадцать лет назад, в настоящее время не представляет той общественной опасности. Поэтому сейчас резко увеличилось количество дел о взятках в особо крупных размерах, в частности в Московском регионе. Конечно, в других регионах размер взяток меньше и установление разных критериев невозможно, но, на мой взгляд, критерий для признания размера взятки особо крупным следует повысить.

— Стоит ли сохранять в УК разделение преступлений, предусмотренных главами 23 (преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях) и 30 (должностные преступления)?

— Статьи 201, 204 УК существовали всегда, просто дел таких было не так много. Не вижу смысла в данном случае что-то менять. В рамках общего тренда на усиленную борьбу с коррупцией мы видим постоянное расширение понятия должностного лица и определения того, что признается взяткой. Например, раньше не было взятки в пользу третьего лица, а теперь есть. Для чего отнесли к должностным лицам работников коммерческих организаций с определенной долей государственного участия? Для того чтобы было больше таких дел, потому что сейчас государство проявляет повышенное внимание с резким ужесточением ответственности за все, что связано с государственной собственностью, или тем, что под ней понимается. Если ущерб причинен государству, то будешь наказан с большей долей вероятности и более жестко.

— Но если учитывать, что государственный сектор в нашей экономике составляет большую часть, то любой ущерб может быть расценен как причиняющий ущерб государству?

— Да, так и есть. Крупный бизнес в основном работает с государственными заказами в той или иной сте-

Loaded: 20-05-2024 PMt 15:36:10

пени. Если ты являешься крупным налогоплательщиком, то уже представляешь интерес для государства. В России традиционно транслируется общественный подход, приоритет общего над частным.

— В европейских странах считается, что жесткость и неминуемость наказания создает условия для того, чтобы граждане были законопослушны. Почему в России наказание становится жестче, а количество должностных преступлений не уменьшается?

— Я думаю, это особенности психологии. Например, в России в отличие от европейских стран донос на соседа расценивается как негативный поступок. Сотрудничество с органами власти исторически считается недостойным в силу исторического опыта. Должно пройти много времени, чтобы психология поменялась. На примере своих дел я очень часто наблюдаю проявление этого подхода. Скажем, практически любой следователь очень любит, когда обвиняемые признаются. Но если какого-то его коллегу по групповому преступлению задерживают и он вдруг признается, то к нему очень плохое отношение: сдал своих, стукач, клеветник. В то же время коррупция на бытовом уровне — это способ решения проблем. Мало кто считает недопустимым поступком откупиться, например, от гаишника. Люди искренне не понимают, когда их начинают за такие действия привлекать к уголовной ответственности, потому что они всегда так делали. Поэтому борьба с коррупцией должна вестись больше на психологическом уровне. Нужно менять психологию, а не карать всех подряд.

— Как ее менять?

— В первую очередь воздействовать на людей не угрозой тяжкого наказания, а неотвратимостью и справедливостью наказания. Необходимо работать с чиновниками, повышать им зарплату, чтобы они не нуждались, заниматься антикоррупционным просвещением. Поощрять людей, работающих на государственных должностях, искренне верящих в то, что они делают, несут пользу. Объяснять чиновникам, что они работают для людей, служат обществу.

— А у Вас были дела, когда человек не осознавал, что совершает преступление?

— С этим достаточно часто приходится сталкиваться. Иногда даже я не понимаю, в чем состоит преступление. Например, в одном деле чиновника обвиняли в том, что он якобы сэкономил при приватизации участка около 100 тысяч рублей. При этом чиновник, очень обеспеченный человек, пришел на государственную службу из крупного бизнеса с искренним желанием помогать развитию города и вкладывал в него в рамках благотворительности около 50 миллионов рублей. Когда ему предъявили обвинение в превышении должностных полномочий, он был в крайнем недоумении. И таких дел, когда обвинение выглядит абсурдным с общечеловеческой точки зрения, очень много. В итоге было доказано, что приватизированный участок не мог столько стоить, и, соответственно, никакого ущерба общественным и государственным интересам не было причинено.

— Какое у нас отношение к взяткодателям со стороны судов, законодателя? Не относятся ли к ним слишком сурово?

— Формально санкции строгие, но суды относятся к взяткодателям мягче. Но и выявлять такие преступления легче, поскольку большинство дел о даче взятки являются делами, когда взяткополучатель изначально отказывается от ее получения, информирует о предложении правоохранительные органы, которые в дальнейшем фиксируют разговоры в рамках оперативного эксперимента.

— Если человек предлагает взятку, а взяткополучатель ее не берет, — это же покушение на дачу взятки? Стоит ли криминализировать такие деяния?

— Думаю, все же стоит, — ведь общественная опасность таких действий имеется, хоть они и пресекаются на стадии покушения. Существует другая проблема. У нас криминализировано посредничество при даче взятки, в том числе и так называемое интеллектуальное посредничество. Если посредник проводил переговоры, направленные на передачу через него взятки, и отказался в итоге от такой передачи, то его действия все равно считаются оконченным преступлением. То есть фактически интеллектуальный посредник не может добровольно отказаться от совершения преступления с позиции Пленума Верховного Суда,

Loaded: 20-05-2024 PMt 15:36:10

указавшего в Постановлении от 9 июля 2013 года № 24, что к посредничеству относятся и действия, которые способствовали совершению преступления, например переговоры. Видимо, когда готовили Пленум, просто не подумали, что такая ситуация может в жизни возникнуть. Притом что санкция за такое преступление в форме интеллектуального посредничества — от 7 до 12 лет. Парадоксально, но санкция за дачу взятки в каких-то случаях меньше, чем за обещание взятки. Кроме того, в том же Постановлении Пленума Верховного Суда мне кажется неверной оценка действий взяткополучателя как оконченных, если он намеревался получить в качестве взятки один размер, например 10 миллионов, а фактически получил в рамках оперативного эксперимента тысячу рублей. Но это все тренд на борьбу с коррупцией, в рамках которого иногда забывают о теории уголовного права.

— Каков размер самой рекордной взятки в России в истории уголовного права?

— По второму делу Захарченко, которое сейчас рассматривается в суде, инкриминируют взятку в размере 1 миллиарда 400 миллионов рублей за общее покровительство и попустительство по службе. Вопрос — согласится ли суд с этим обвинением? Насколько мне известно, защиту осуществляют очень сильные адвокаты, которым я, конечно же, желаю удачи.

Loaded: 20-05-2024 PMt 15:36:10